

Мильчик М.И.

**По берегам Пинеги и
Мезени**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М60

М60 **Мильчик М.И.**
По берегам Пинеги и Мезени / Мильчик М.И. – М.: Книга по Требованию,
2012. – 159 с.

ISBN 978-5-458-35240-6

Нам предстоит путешествие по двум северным рекам, протекающим сквозь леса и болота восточнее главной артерии края — Северной Двины. Отгороженность придает им оттенок таинственности: а вдруг именно тут, в местах былинных и сказочных, откроется нечто сокровенное, предстанет сегодняшним днем древняя Русь?

ISBN 978-5-458-35240-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ный промысел (109). Кильце (111). Козьмогородское (116). Обетный крест в Нижнем Березнике (117). Ветряные мельницы Погорельского (118). Азаполье, «городок» амбаров (120). Обетный крест близ Палуги (122). Юрома. Ансамбль погоста (125). Юромская повесть об Иване Семенове (132). Деревни Кельчемгоры (137). Порядок домов в Мокшеве (138). Дом В. Я. Клокотова в Заозерье (141). Роспись интерьера в доме М. И. Орлова (146). Обетный крест с резным распятием (146). Путь от Кельчемгоры до Палашелья (148). Палашелье — центр мезенской росписи по дереву (150). Чучепала. Предание об Остром холме (155).

Библиография _____ 158

Фотографии на стр. 13 — из коллекции Музея архитектуры им А. В. Шусева; на стр. 58 — из коллекции Музея этнографии народов СССР; на стр. 128—129 из коллекции Института этнографии АН СССР; на стр. 130 — из коллекции Института археологии АН СССР; на стр. 137 — Б. Н. Федорова; все остальные выполнены автором.

На обложке — реконструкция панорамы Юромского погоста. Рисунки Ю. С. Ушакова.

Вступление

Чувство «преудивления», как говорил летописец, древним зодчеством издавна живо в народе. Да и действительно, какая это радость, бывая на Севере, встречать деревянные церквушки, то застенчиво спрятавшиеся за огромные ели, то выбежавшие на открытый пригорок. Неподалеку — гладь озера или реки. В деревнях — огромные на несколько семей дома, пяти или даже шести-стенные, нередко в два этажа. Крыльцо, наличники окон украшены затейливой резьбой. Над крышей — конек, водосливы держатся на суках, вырезанных в виде птичьих голов. Рядами выстроились амбары «на курьих ножках», скрипят колодцы-журавли. Все эти постройки создают фантастический и одновременно очень правдивый образ живой природы.

Нам предстоит путешествие по двум северным рекам, протекающим сквозь леса и болота восточнее главной артерии края — Северной Двины. Отгороженность придает им оттенок таинственности: а вдруг именно тут, в местах былинных и сказочных, откроется нечто сокровенное, предстанет сегодняшним днем древняя Русь?

Писатель Ю. Казаков как-то вспоминал одного человека странной судьбы, который всю жизнь был горд тем, «что прошел когда-то от Пинеги до Мезени».

«От Пинеги до Мезени! — говорил он шепотом... — Понимаешь ты это? От Пинеги до Мезени прошел я весь Север.

С тех пор эти два места казались мне мифически удаленными от всего нашего, человеческого. Разные другие места, города и деревни были как-то понятны

мне, они были где-то рядом со мной, но вот Мезень... Эти места... представлялись мне недостижимыми».

После сказанного мне предстоит разочаровать читателя. Сегодня места эти легко достижимы — сюда летают рейсовые самолеты, но в краях этих уже нет прославленных архитектурных ансамблей, нет и подлинно заповедных сел. Достаточно сказать, что на всем нашем пути стоит только три деревянных и одна каменная церковь и все они XVIII века. Остальные, построенные «по типовым проектам» Синода в XIX веке, вряд ли представляют большой интерес. «Не маловато ли для почти тысячекилометрового маршрута?» — спросит озадаченный читатель.

Тем, кто ждет одних эффектов, кто привык знакомиться с архитектурой, бросая на памятники беглый оценивающий взгляд, на Пйнегу и Мезень ехать не следует. Те же, кто по-настоящему заинтересовались народным зодчеством, в первой поездке несомненно должны увидеть Карелию — Кижы, Кондопогу, Кемь. Там — шедевры. На Пинеге и Мезени, увы, они не сохранились, хотя ансамбль Юромского погоста был не менее совершенен, чем Кижский. Затем — Северная Двина и Беломорье, где высятся прекрасные шатровые и кубоватые храмы. И лишь после этого наступает черед наших рек.

В будущем путешествии мы на время станем чуть-чуть искателями, исследователями и даже реставраторами. Во-первых, потому, что места эти изучены еще недостаточно. Если вспомнить о большой протяженности рек, некоторых сложностях с транспортом, особенно в средних и верхних течениях, то становится понятным, что какие-то интересные постройки могли остаться неучитенными и даже не сфотографированными.

А во-вторых, и это главное, нам необходимо по крупницам, по сохранившимся фрагментам, по деталям представить целое, вообразить, как выглядели исчезнувшие ансамбли сел и погостов. Автор старался помочь читателю воссоздавать облик старинного селения с помощью фотографий, снятых в начале нашего века, рисунков, документов. Но это всего лишь материал для мысленной реконструкции. Итак, в рюкзаке путешественника должно быть место воображению. Оно тем более важно, что старинные постройки здесь не сконцентрированы так, как на знаменитом Кижском острове Онежского озера, они разбросаны на протяжении десятков и сотен километров. Значит, нужно умение мысленно собирать в единую картину все увиденное.

Основное, что нам встретится, — это дома, амбары, бани, мельницы. На первый взгляд все постройки будут казаться одинаковыми. Если я видел их в одной деревне, то стоит ли смотреть то же самое в другой?

Но чем больше километров остается позади, тем все больше убеждаешься, что такое впечатление поверхностно. Крестьянские строения очень разнообразны по пропорциям, подчас по приемам рубки, по декоративному убранству и особенно по взаиморасположению. Деревни также похожи, но никогда в точности не повторяют друг друга. Расположение домов, бань и других построек всегда зависит от своеобразия местности, от изгиба реки, от проходящей дороги, от стороны света и даже от основного занятия жителей.

Наконец, надо сказать, что в подавляющем большинстве случаев у нас речь пойдет не о музейных экспонатах, а о постройках, которые и сегодня продолжают служить, использоваться в повседневной жизни. За редким исключением они не стоят на учете и не подлежат охране как памятники архитектуры, а потому перестраиваются и даже сносятся за ветхостью. Не удивительно, если читатель уже и не увидит чего-то из того, о чем рассказано здесь.

Крестьянский дом, мельница — и памятник архитектуры. Многим, особенно живущим в этих местах, такое кажется несовместимым. Поэтому одна из задач книги — привлечь внимание к тому бесценному богатству, которое досталось нам в наследство от прошлых поколений. И богатство это заключено не только в уникальных церковных сооружениях, но и в жилых, хозяйственных постройках. Все вместе они рассказывают нам повесть о труде, величии и таланте народном. Повесть, которая не должна быть забыта в могучем преобразовании сурового и прекрасного северного края.

1. Пинега

Река Пинега как по древним ее жителям, так и по нынешним обстоятельствам примечания достойна... Жители ее в древности великое имели участие в переменах Двинских.

*Академик И. Лепехин.
Дневные записки путеше-
ствия... в 1771 году*

Слухи о сказочных пушных и рыбных богатствах «полуночных стран», как в старину называли Север, издавна привлекали новгородских промысловых людей. Какими же бесконечно далекими казались эти земли! Те, кому удавалось вернуться домой, поражали своих слушателей рассказами о небывалых приключениях. Их слушали, им верили: мало ли что может делаться на краю земли! Поди — проверь! Новгородцы говорили, что, плавая по Ледовитому океану, видели рай, скрытый за северными горами, что там из огромной тучи падают «оленци мали» и, подросши, расходятся по земле...

Нелегко добирались в северные края первые русские землепроходцы. Дремучие леса, болота, многочисленные реки преграждали им дорогу; «путь... непроходим пропастьми, снегом и лесом» — отмечает Несторовская летопись. И тем не менее уже в XI веке удалые новгородские ватаги побывали и у моря Студеного, и на Печоре, и даже у самого Камня (Уральских гор).

Путь туда пролегал через Ладожское и Онежское озера, реку Онегу, к Двине, затем на Пинегу и тут в ее нижнем течении, где новгородцы по четырехверстному перешейку переволакивали свои ушкуи — лодки и на Кулой, возник Волк Пинежский. Вероятно, поэтому и называется Киевская летопись всю огромную территорию к востоку от Северной Двины Заволочьем: за волоком. А дальше путь по Кулою, затем через море в устье Мезени, оттуда по ее правому притоку Пёзе к верховьям Цильмы, впадающей в Печору. В конце XV века упоми-

нается и другой путь с Пинеги на Мезень, которым прошла к Уралу московская рать: по пинежскому притоку Ежуге через небольшой волок она попала в речку Колоду (Колодивую), а из нее в мезенскую Ёжугу, впадающую в Мезень чуть ниже нынешнего села Лешуконского. Тогда окончательно была покорена югра в Предуралье, народ, ранее неоднократно восстававший против новгородского владычества.

Осваивая Заволочье, русские сталкивались с местным населением — племенами чуди. Во многих местах по Пинеге и Мезени местные жители показывают ямы, курганы, связанные с жизнью этого легендарного народа, принадлежавшего к угро-финской языковой группе. Борьба с ним шла и мечом, и крестом. Уже в первой половине XII века на Пинеге насаждается христианство, появляются погосты, платившие дань новгородскому владыке — «сребро, соболи и иныя узорочья». И все-таки в глухих уголках еще в XVI веке продолжало существовать «идолопоклонство». Оно было так распространено, что церковные власти снаряжают одну за другой специальные экспедиции, чтобы «в Чюдской земле разоряти... обычаи» и крестить некрещенных.

О прежних жителях края напоминают не только предания, но и многочисленные названия (топонимы) рек, речек, ручьев — Явзора, Пбкшеньга, Вёркола, Чухча, Лётопала и т. д. Так назывались расположенные на них древние урочища, а впоследствии и села. С приходом новгородцев появляются русские топонимы, иногда указывающие на способ обработки угодий: поля Палиха, Росчистки, иногда на месторасположение: Заозерье, Заручей, а нередко закрепляющие навечно имя первого поселенца: деревни Богданово, Карпова Гора и т. д.

Само название реки — Пинега некоторые исследователи переводят с угро-финского как Малая река, а другие производят его от имени одного из чудских племен — пинь, жившего в низовьях реки.

В XIV—XV веках новгородцы на Севере сталкиваются с так называемой низовой колонизацией, шедшей через Вологду, Сухону, Северную Двину и Вычегду на верховья Пинеги и Мезени к Печоре: «из Московии многи пути ведут к поганым народам, которые слывут Печорою».

Еще в начале XIV века подчиненное Новгороду население по Пинеге и Кулою давало «с погостов корм и подводы» ватагам великого князя, отправлявшимся за ловчими птицами к морю Студеному.

Вслед за дружинами московских и ростовских князей, наслышанные о новых землях, пробирались крестьяне, бежавшие от феодального гнета, монахи, «желавшие тишины и душевного спасения», но вынужденные, основывая «пустыни», расчищать лес, заводить скот, косить по полям, как и всякие земледельцы.

Долгая борьба за господство в Заволочье завершилась в 1471 году, когда все земли, некогда принадлежавшие Господину Великому Новгороду, перешли во владение князей московских. Теперь на Север едут московские служивые люди и бегут опальные новгородские бояре, спасаясь от гнета Ивана III, а затем и Ивана Грозного.

До начала XVII века все Заволочье входило в состав Двинского уезда, а с 1614 года Пинегой и Мезенью стало управлять Кеврольское воеводство. На его территории впоследствии при образовании Архангельской губернии были созданы два уезда — Пинежский и Мезенский, просуществовавшие до Великой Октябрьской революции.

Трудно передать впечатление, которое производит Пинега, эта неширокая и даже уютная по сравнению с Северной Двиной и Мезенью река. Удивительно красивы ее берега то высокие красновато-кирпичные или алебастровые, покрытые корабельными лесами, то низкие с заливными лугами-наволоками или песчаными отмелями. В летние вечерние часы по берегу чернеют деревни и изредка на фоне гаснущей зари вырастают силуэты часовен... Наступает короткая северная ночь. «Полумрак белой ночи недвижно и призрачно дремлет над водной ширью, над потопленными лесами, над едва сияющей полоской дальнего берега, и чудится, это — не ночь, а дремотно потускнел неясный день. Безжизненные туманы дымчато висят над водой, отражаясь призрачными очертаниями», — писал А. Серафимович об этих местах в одном из своих ранних рассказов.

Пинега — самый крупный приток Северной Двины, протянувшийся с юго-востока на северо-запад почти на семьсот километров. Бассейн ее с притоками по площади — целая страна, такая, например, как Дания.

Нас будет больше всего интересовать река в среднем и нижнем течении, а потому о верховьях мы скажем немного, тем более что этот обособленный и до недавнего времени труднодоступный район и культурно, и административно издавна был связан с Двиной. В прош-

лом он относился к Сольвычегодскому уезду Вологодской губернии, теперь к Верхнетоемскому району Архангельской области. Когда-то с Двины и с Вычегды, от Сольвычегодска по глухим лесам через ручьи и болота шли в эти края первые русские поселенцы, и сегодня единственная сухопутная дорога сюда — девяностоклометровый тракт от Верхней Тоймы — большого села на Северной Двине до деревни Керги — первой на Пинеге. По нему в XVIII—XIX веках отправлялись пинежане на Красноборскую ярмарку с возами, нагруженными звериными шкурами, домоткаными холстами, великолепной деревянной посудой — ковшами, братинами, скопкарями.

В 1894 году во время своего путешествия по Северу проделал этот путь на телеге художник В. В. Верещагин, описав его позже в очерке «На Северной Двине». В 1935 году проехал здесь верхом М. М. Пришвин, отправляясь на поиски девственного леса. Этот сказочный лес, — рассказывает писатель в книге «Северный лес», — спрятался где-то на водоразделе между Пинегой и Мезенью и называется он Чашей. «Там трехсотлетний мачтовый лес стоит такой ровный, что стяга не вырубешь, такой частый, что спиленное дерево не может упасть. А вокруг этих чаш стоят тоже не знающие топора боры-беломошники, в них большими стадами пасутся дикие олени...».

Образуется Пинега от слияния двух речек — Черной и Белой, начала которых затерялись где-то в болотах на юге Архангельской области, примерно на сотню километров севернее Красноборска. Черная, как пишет М. М. Пришвин, рождается из родника среди болотного ельника — «темной рады» по местному, а Белая — из светлой. Радой называют болото, поросшее низкорослой сосной.

От истока Пинеги до деревни Керги сто двадцать километров тянется сплошной лес, временами кажущийся седым: ели почти до самых вершин обросли серым мхом. Жилья тут нет. Изредка встречаются только избушки, где останавливаются на ночлег охотники или живут колхозники, приплывая сюда летом «ставить сено». Вскоре за Кергой начинаются деревни Горковского сельского совета, затем снова безлюдье на целых 85 километров и снова большая группа деревень Выйского сельсовета, растянувшихся почти на двадцать километров вдоль Выи — притока Пинеги — и на семь по пинежскому берегу.

Выйский погост. Ильинская церковь. 1600 г. Фотография Р. Фонвизина. 1938 г.

Принимая множество ручьев и речек, Пинега здесь становится шире, а в начале мая, в половодье она разливается на многие километры, затапливая прибрежные леса. Раньше во время ледохода девушки в праздничных старинных нарядах пели на берегу песни-веснянки:

**Разливалася да мати большая вешняя вода,
Потопило да все зелены славны да лужки,
Ой, оставался-то единый маленький зелен-то да лужок.
Собирались-то добры молодцы братцы да в кружок.**

Теперь главный весенний праздник — встреча пароходов, которые по большой воде поднимаются до деревни Горка, привозя из Архангельска продовольствие, разнообразные товары. Летом река мелеет, да так, что пассажирские катера не всегда доходят до Карпогор.

В верховьях Пинегы влияние Москвы в XV—XVI веках было особенно сильным. Главный ее опорный

пункт — Выйский погост, возникший еще во времена новгородские на месте чудского поселения. Здесь до недавнего времени стояла деревянная Ильинская церковь 1600 года, редкий памятник шатрового зодчества, близкий к деревянным северодвинским церквям Панилова, Верхней Тоймы, Белой Слуды и Нижней Уфтюги, не сохранившимися до наших дней. Выйская церковь, рубленая восьмериком, как великан возвышалась посреди ржаного поля. Это единственная из известных церквей, в которой изнутри можно было увидеть весь шатер, стремительно уходящий ввысь до самой маковки.

Словно вторя церкви, неподалеку от нее по берегу в деревнях Усть-Вые и Романовом Острове стояли две невысокие часовни, увенчанные изящными шатриками, покрытыми, как и церковь, осиновыми дощечками-лемехами.

К сожалению, эти уникальные сооружения раскатали на дрова, хотя леса в этих краях хватает: он и теперь со всех сторон подступает к реке. Впереди нам еще не раз придется отмечать потери, которые принесла немелое и без должного понятия организованная антирелигиозная пропаганда.

Сегодня можно назвать только один памятник, близкий к Выйскому, — Георгиевскую церковь 1672 года в селе Вершины, стоящую на холме как раз у того тракта, что ведет от Северной Двины к Пинеге.

Однако в окрестностях Выи еще есть немало старинных изб, некоторые из них сохранили росписи фронтонов и балконов, наподобие встречающихся в Верхней Тойме. Из тех же краев, из Черевкова, привозили сюда и расписные прялки, без которых не обходился ни один крестьянский дом.

В Вые найдена интересная икона «Чудо Георгия о змие» конца XIV века. Культ святого-воина, защитника всех сирых, покровителя скотоводства, был популярен на Севере. Георгий изображен на черном коне. За его спиной развевается ярко-алый плащ. Напряженное звучание цветового контраста дополняют зеленый и желтый. Сколько решимости и силы в этом образе! Конь копытами как бы упирается в поля иконы, всадник, резко повернувшись, красным копьём, прочерчивающим икону по диагонали, поражает дракона. Совершенное колорис-

¹ Икона находится в частном собрании в Москве. Воспроизведена в альбоме: С. Ямшиков. Древнерусская живопись. Новые открытия. М., 1965. табл. 6 и 7.